

БЕСЪДА ТРЕТЬЯ.

Въ разговорѣ съ Карамазовой, Серебряковой и Красоткинымъ Сократъ старается показать, что содержаніе и свойства нашего сознанія никакъ не могутъ быть объяснены дѣятельностью матеріи и ея первоначальныхъ элементовъ или атомовъ. Отсюда онъ заключаетъ къ существованію особой духовной субстанціи, производящей явленія сознанія. Очевидная же связь тѣла съ этой духовной субстанціею, не объяснимая при предположеніи существованія рядомъ съ духовными субстанціями и разнородныхъ съ ними матеріальныхъ, приводитъ его къ заключенію, что тѣло и весь матеріальный міръ суть значки, подъ которыми скрывается дѣятельность духовныхъ субстанцій, а также связь и отношеніе ихъ другъ къ другу.

Въ четвергъ, только что я возникъ отъ послѣобѣденного сна, часовъ въ семь вечера постучалъ ко мнѣ Сократъ. Поздоровавшись съ нимъ, я сталъ умываться и одѣваться и обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— „Дайте мнѣ, Сократъ Ивановичъ, какое либо понятіе о женѣ Карамазова; я видѣлъ ее только мелькомъ въ прошлый свой пріѣздъ въ Петербургъ и совсѣмъ не знаю. Кажется, она уже въ лѣтахъ и, пожалуй, старше мужа. Да какую еще женщину называлъ Карамазовъ въ послѣдній разъ?“

Сократъ. Да, она постарше мужа. Вѣдь, вы, конечно, слышали цѣлый рядъ романическихъ исторій въ семействѣ Карамазовыхъ и, вѣроятно, знаете, какъ старшій братъ Карамазова, Дмитрій, былъ

невинно обвиненъ присяжными въ убийствѣ отца. Впослѣдствіи открылось, что убийцею былъ побочный сынъ старика Карамазова, эпилептикъ, повѣшившійся скоро послѣ убийства. Открытие это однако не послужило въ пользу Дмитрія, погибшаго дорогою на каторгу. Вы, вѣроятно, тоже знаете, какъ этого Дмитрія провожала на каторгу знаменитая Грушенька, изъ-за которой, въ сущности, и пропалъ онъ, какъ Дмитрій приревновалъ ее къ конвойному офицеру и какъ, придя въ бѣшенство, затѣялъ буйство и драку съ офицеромъ и конвойными солдатами и быть приколотъ ими. Кажется, вы слышали также, что второй братъ Карамазова, Иванъ Федоровичъ, совсѣмъ переселился за границу и принялъ тамъ католичество. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ всѣхъ этихъ исторій, Алексѣй Федоровичъ женился на Катеринѣ Ивановнѣ, бывшей невѣстѣ своихъ обоихъ братьевъ, съ которой онъ всегда былъ очень друженъ и съ которой дѣлилъ тяжелыя воспоминанія прошлаго. Теперь они имѣютъ троихъ дѣтей; старшій мальчикъ уже началъ учиться. Для занятій съ нимъ и живетъ у нихъ курсистка, Анна Михайловна Серебрякова; ее то и называлъ Карамазовъ. Она занимается на курсахъ естественными науками, а потому съ жаромъ вступаетъ въ споры съ Алексѣемъ Федоровичемъ и со мной. Впрочемъ, въ послѣднее время ее, кажется, береть раздумье и она начала подозрѣвать несостоительность матеріализма, въ который вѣровала прежде, и даже начала слушать лекціи по истории философіи.

Я. Развѣ у нихъ на курсахъ не всѣмъ читаются философію?

Сократъ. Не знаю хорошенько, но, кажется, только для желающихъ, или же, по общепринятому у насъ, для меня непонятному обычаю, исторію философіи читаютъ только для слушательницъ словеснаго и исторического отдѣленія.

Я. Что жь вы находите тутъ страннаго?

Сократъ. О-о-охъ! Объ этомъ предметѣ я не кончилъ бы до завтра. Теперь скажу только, что, по моему, исторія философіи, вмѣстѣ съ логикой, должна бы быть во всѣхъ высшихъ учебныхъ

зведеніяхъ общеобразовательнымъ предметомъ. Но если ужъ нужно исторію философіи пріурочивать къ какому либо специальному от-дѣлу наукъ, то скорѣй всего ее присоединить именно къ естествен-нымъ наукамъ.

Я. Мнѣ что-то странно это. Почему же такъ?

Сократъ. Да потому, что естественные науки, самыи закон-пѣйшимъ образомъ преслѣдуя свои собственныя цѣли, могутъ не-вольно работать въ пользу того философскаго направлениія, которое называется материализмомъ и которое, по моему, съ чѣмъ, можетъ быть, и вы согласитесь, далеко отстоитъ отъ истины. Естественные науки, не смотря на чрезвычайную важность ихъ результатовъ для мысли и для жизни, все таки условны въ самомъ корнѣ ихъ. Вслѣд-ствіе этой условности онъ, въ разрѣшеніи всѣхъ своихъ задачъ, необходимо приходятъ къ послѣднимъ материальнымъ элементамъ или атомамъ и все сводятъ къ движению этихъ атомовъ въ про-странствѣ. Имъ нѣтъ дѣла до духа; и совершенно конечно, съ ихъ условной точки зрењія. Но весьма легко, не только для неопытнаго въ философскомъ мышленіи юношества, но даже и для самихъ ученыхъ естествовѣдовъ, превратить условную точку зрењія въ абсо-лютную, и видѣть въ перераспределеніи атомовъ въ пространствѣ все бытіе съ его началомъ и концомъ. Вотъ, хоть, напр., возьмемъ Анну Михайловну. Чрезвычайно трудно объяснить ей существен-ную разницу между относительнымъ материализмомъ естествовѣдѣ-нія и абсолютнымъ материализмомъ философской системы.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вышли на улицу и взяли извозчика къ Синему мосту, гдѣ жилъ Карамазовъ. Дорогою я снова обратился къ Сократу съ однимъ беспокоившимъ меня вопросомъ.

„Въ прошлый разъ“, говорилъ я ему, „я сильно былъ смущенъ во время вашего разговора съ Шугаевымъ, гдѣ вы высказали, что придаете великое значеніе понятию бытія, которое, по Юму и по Шугаеву, есть не болѣе, какъ слово, ничего особенного не означа-ющее. Какъ извѣстно вамъ, я не силенъ въ философіи, но знакомъ

съ философией Шопенгауера, которая мнѣ очень по душѣ. Шопенгауеръ же говорить, что его философию совсѣмъ нельзя понимать безъ философи Канта. Вотъ, я и началъ по немногу читать Канта, что было для меня чрезвычайно трудно, благодаря страшной темнотѣ языка этого философа. Между прочимъ я въ сочиненіяхъ Канта попалъ и на знаменитое его опроверженіе такъ называемаго онтологическаго доказательства бытія Божія. И здѣсь у Канта, который былъ все таки, какъ известно, противникомъ Юма, я встрѣчаю почти такой же, какъ у Юма, или очень близкій къ нему, взглядъ на понятіе бытія. Я слышалъ отъ васъ, что вы съ уваженіемъ относитесь къ Канту, а потому меня и беретъ сильное недоумѣніе въ этомъ вопросѣ, которое я и хотѣлъ бы разрѣшить при вашей помощи.

Сократъ. Прежде всего долженъ вамъ сказать, что я и самъ отлично чувствую, что при всякомъ поднявшемся разговорѣ могутъ возникать и возникаютъ различныя и съ разныхъ сторонъ недоумѣнія. Но въ разговорѣ, начинающемся болѣе или менѣе случайно и имѣющимъ свою цѣлью прійти къ какому нибудь решенію, по поводу этого случайного начала, нѣть возможности останавливаться на тѣхъ пунктахъ, которые могутъ возбуждать недоумѣнія, и устранять ихъ. Это возможно было бы сдѣлать только въ какомъ либо систематическомъ изслѣдованіи предмета. Разговоръ, конечно, не можетъ стать книгою или ученымъ трактатомъ. Что же касается до вопроса о понятіи бытія, то это одинъ изъ самыхъ темныхъ и самыхъ трудныхъ въ философіи, хотя, повидимому, вся наука и философія интересуются только тѣмъ, что есть, т. е. истиной, и отвергаютъ то, что не есть, но какъ либо считается за сущее, т. е. ложь и заблужденіе. Итакъ, я попросилъ бы васъ какъ нибудь выбратьъ время и оповѣстить меня о томъ, чтобы мы безъ всякой помѣхи вдвоемъ разсмотрѣли весь этотъ вопросъ. Теперь же я могу вамъ только сказать, что кантово понятіе бытія дѣйствительно сходно съ понятіемъ Юма и что я съ Кантомъ въ этомъ случаѣ столь же мало согласенъ, какъ и съ Юмомъ.

На этомъ пунктѣ нашего разговора мы подѣхали къ дому, гдѣ жилъ Карамазовъ, и вошли въ его квартиру. Когда мы вошли въ кабинетъ Карамазова, то нашли его и Калганова лежащими на диванахъ. Когда мы поздоровались съ ними, Карамазовъ сказалъ:

— „Извините, господа, мы послѣ обѣда хотѣли было вздренуть, но вспомнили о бывшемъ, котораго у насъ было много общаго, и заболтались до сихъ поръ (обращаясь къ Сократу). А вѣсть, Сократъ Ивановичъ, уже давно нетерпѣливо ждутъ дамы, а потому и ступайте къ нимъ, пока мы немножко пріуберемся и выйдемъ чай пить, да захватите, пожалуй, съ собой и Платона Михайловича и представьте его дамамъ, такъ какъ онъ, кажется, ихъ не видаль.

Я. Нѣтъ супругу вашу я видѣлъ только мелькомъ, такъ что почти не знакомъ съ ней, а другой дамы и совсѣмъ не видаль.

Затѣмъ мы съ Сократомъ перешли въ гостинную, гдѣ насъ встрѣтила уже не молодая женщина, жена Карамазова.

— „Вы не были у насъ два четверга, а я все ждала вѣсть“, сказала она Сократу, здороваясь съ нимъ. „Извините“, сказала она, обращаясь ко мнѣ и протягивая руку, „я едва вспоминаю, что мы съ вами уже видѣлись, и очень рада, что теперь мы, надѣюсь, познакомимся покороче“.

Сократъ. Почему же вы, Катерина Ивановна, такъ ожидали меня, какъ говорите.

Карамазова. Поэтому что опять сильно нуждаюсь въ вашей помощи. Тутъ у насъ появились новые противники, Г. Красоткинъ все это время смущалъ меня, а Анну Михайловну, какъ кажется, совсѣмъ заполонилъ. Намедни пришелъ и напалъ на меня. „Гдѣ, говорить, будешь вашъ духъ, какъ я перерѣжу вамъ нервы и разрушу центры мозга“. Анна Михайловна притащила при этомъ изъ своей комнаты анатомическій атласъ, гдѣ такъ красиво нарисованъ мозгъ. По этому атласу Красоткинъ показывалъ ей то тутъ, то другой пунктъ. „Вотъ, говорилъ онъ, если здѣсь разрушить мозгъ, то потеряется память, а вотъ тутъ—потеряется даръ слова, а вотъ

тутъ — такъ и весь духъ исчезнетъ". И называлъ при этомъ всѣ указываемыя мѣста латинскими именами, которыхъ я, разумѣется, не понимаю и не помню. Анна же Михайловна такъ вся и раскраснѣлась отъ удовольствія, когда Красоткинъ обѣщалъ ей добыть настоящій отпрепарированный мозгъ изъ анатомическаго театра. Красоткинъ, какъ видно, человѣкъ ученый, такъ что опять меня стали брать сомнѣнія на счетъ бытія души. Дѣлать то нечего, трудно бороться съ наукой. Нѣтъ ужъ вы, Сократъ Ивановичъ, какъ нибудь по убѣдительнѣе объясните мнѣ существованіе души.

Сократъ. Въ вашей просьбѣ мнѣ слышится недоразумѣніе относительно процесса, посредствомъ котораго образуется у человѣка убѣжденіе, т. е., мысль, не допускающая въ себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мысль рѣшительно не можетъ ни перейти отъ одной души къ другой, подобно движенію, переходящему съ одного тѣла на другое, ни перемѣститься изъ одной въ другую, подобно перемѣщенію матеріи изъ одного вмѣстилища въ другое. Всякая духовная субстанція образуетъ свои мысли и соединенные съ ними чувства и волю на основаніи собственныхъ силъ и дѣятельности. Все, происходящее въ другихъ субстанціяхъ, какъ, напр., ихъ убѣжденія, можетъ обнаружиться въ какой либо субстанціи, только въ той мѣрѣ, въ какой въ ней самой уже подготовлены понятія, чувства и желанія, составляющія элементы того цѣлаго, которое называется убѣжденіемъ. Общеніе же съ другими субстанціями имѣеть значеніе только въ томъ, что эти подготовленные элементы, бывшіе прежде въ душѣ безсознательными, или въ очень смутно сознаваемомъ состояніи, дѣлаются ярче и яснѣе сознаваемыми. Конечно, эта ясность сознанія и есть задача всякаго усовершенствованія субстанціи, а потому для насъ и имѣеть высокое значеніе общеніе мыслями, чувствами и желаніями съ другими субстанціями, такъ какъ оно можетъ способствовать въ насъ этому переходу изъ безсознательного состоянія въ сознательное. По этому ни я, ни другой кто не можетъ дать вамъ убѣжденія, а только нѣсколько возбудить васъ къ тому, чтобы вы сами собственными

усиліями и мышленіемъ выработали себѣ убѣжденіе, подобное моему, или какое либо другое.

Въ это время къ намъ вошла изъ внутреннихъ комнатъ молодая девушка, которой и представила меня хозяйка, а мнѣ—ее.

„Вотъ, Анна Михайловна, говорилъ, здороваясь съ ней, Сократъ, Катерина Ивановна жалуется на васъ, что вы опять уходите совсѣмъ на лѣво. Я загулялъ маленько, не было два четверга, а тутъ вдругъ появился г. Красоткинъ, который опять васъ переманиваетъ въ таинства мозговъ и первыхъ центровъ.“

Серебрякова. Катерина Ивановна, должно быть, преувеличиваетъ дѣйствіе на меня словъ Красоткина. Но, вѣдь, я и до него не была еще убѣждена въ томъ, что вы проповѣдуете, хотя и должна была признать, что ваши возврѣнія отличаются отъ ходячихъ мнѣній и что къ нимъ должно относиться серьезно.

Сократъ (обращаясь къ Карамазовой). Такъ, значитъ, Катерина Ивановна, наше дѣло еще не совсѣмъ потеряно, и вы ужъ слишкомъ приняли къ сердцу похвалы Красоткина, что онъ можетъ вырѣзать душу и по частямъ, и всю заразъ. Не бойтесь, пусть его хоть искрошить весь мозгъ сверху до низу; души, слава Богу, не задѣшетъ, по той простой причинѣ, что въ неѣ нельзя какънибудь ткнуть скальпелемъ или пинцетомъ, ибо ея *нигдѣ нѣтъ* (смѣется).

Карамазова. Что такое? и вы говорите, что души нѣтъ?

Сократъ. Ну, это вы грѣшите, я вовсе не говорю, что души нѣтъ, а только говорю, что ея *нигдѣ нѣтъ*, т. е., что она вовсе не имѣеть мѣста, или положенія въ пространствѣ. Это значитъ, что, напр., нелѣпо спрашивать про душу, гдѣ она помѣщается, и что на этотъ нелѣпый вопросъ всегда надо отвѣтить: „души нѣтъ нигдѣ“. По этому то мозгъ, который несомнѣнно находится въ пространствѣ, следовательно, имѣеть мѣсто, самъ не есть душа и не заключаетъ въ себѣ души.

Въ это время вышли изъ кабинета Карамазовъ съ Калгановымъ, и, по приглашенію хозяйки, мы перешли въ столовую, гдѣ уже все приготовлено было для чая.

— „Пожалуйте, Сократъ Ивановичъ“, говорила хозяйка, указывая на мѣсто около себя; „а вы“, сказала она, обращаясь ко мнѣ и указывая на другое мѣсто также подлѣ себя, „садитесь тутъ, напротивъ Сократа Ивановича. Вамъ, Сократъ Ивановичъ, я приготовила ромъ, который вы любите“, прибавила она, указывая Сократу на красивый хрустальный графинчикъ съ бѣлымъ ромомъ.

Калгановъ (взявъ въ руки графинчикъ и нюхая ромъ). Посмотрите, господа, какимъ ромомъ угощается его Катерина Ивановна. Прелестъ, какой ароматъ! Небойсь, намъ не дала этого ромку послѣ обѣда, а предложила обыкновенного, что и теперь, вонъ, тамъ стоитъ. Ну, ужь какъ хотите, Катерина Ивановна, теперь и я выпью сократовскаго рому.

Карамазова (разливая чай). Мнѣ очень пріятно, пейте, я вѣдь не знала, что вы любите бѣлый ромъ.

Когда Карамазова раздала налитый чай присутствующимъ, то опять обратилась къ Сократу съ прошбой о душѣ.

Сократъ. Ну, пожалуй, займемся и душою. Однако, я предполагаю лучшіе философскій терминъ и буду говорить о существованіи субстанцій и именно духовныхъ субстанцій. Если идти методически, то нужно было бы сперва вести рѣчь о томъ, что значитъ существовать или быть. Но я боюсь, что этотъ весьма трудный предметъ утомилъ бы васъ, а потому предполагаю, что вы, какъ и всѣ люди, знаете, хотя можетъ быть и не умѣя ясно и точно выразить это, что значитъ существовать. По моему, существуютъ прежде всего субстанціи, но нѣкоторые, какъ напр., г. Шугаевъ, отрицаютъ, конечно, на словахъ только, существование субстанцій. Слышали ли вы отъ Алексея Федоровича наши разговоры объ этомъ предметѣ и убѣждены ли вы въ ошибочности его мнѣнія?

Карамазова. Да, Алеша намъ все это подробно рассказалъ, и я убѣждена въ нѣлѣности мнѣнія Шугаева.

Серебрякова. И я думаю, что его мнѣніе очень странно.

Сократъ. Если такъ, т. е., если субстанціи существуютъ, то возможно, что существуютъ только материальныя или только духовныя, или же и тѣ, и другія вмѣстъ. Это послѣднее мнѣніе всегда было сопряжено для философіи съ величайшими затрудненіями, которыхъ и до сихъ поръ не устраниены. Не оставить ли намъ безъ разсмотрѣнія это воззрѣніе?

Серебрякова. Я согласна оставить такъ.

Карамазова. Почему же? Мне кажется, что и материальныя тѣла существуютъ сами по себѣ, и духъ самъ по себѣ.

Сократъ. Ну, пожалуй, остановимся нѣсколько на этомъ *дуализмѣ*. Главное затрудненіе здѣсь именно состоитъ въ радикальномъ различіи обѣихъ субстанцій и въ полной невозможности ихъ связи и общенія, а между тѣмъ на эту связь и взаимодѣйствіе указываетъ весь нашъ опытъ. Материальныя существа протяжены, непроницаемы, дѣлимы, имѣютъ положеніе и движутся въ пространствѣ. Духъ непротяженъ, недѣлимъ, не имѣетъ места въ пространствѣ и не движется. Совершенно непостижимо, какъ мысль, воля или чувства могутъ производить перемѣны и движенія въ нашемъ тѣлѣ или его органахъ, а черезъ нихъ и во всемъ материальномъ мірѣ и обратно, какъ состоянія и движенія тѣла могутъ вліять на духъ. Наше тѣло, какъ и всякое другое материальное тѣло, можетъ дѣйствовать только透过 прикосновеніе, толчкомъ или ударомъ, а духъ, не находящійся въ пространствѣ, исключаетъ эти способы дѣйствія.

Карамазова. Этого я не совсѣмъ понимаю.

Серебрякова. А я такъ вотъ что думала. Положимъ, что, по вашему, мы духи. Но развѣ не можетъ духъ быть среди тѣла или вообще среди материальныхъ тѣлъ. Вѣдь, онъ можетъ не занимать пространства, какъ не занимаетъ его математическая точка.

Сократъ. Вы ошибаетесь, хотя ошибка ваша встрѣчается и у философовъ, которые думали, что душа—нѣчто въ родѣ математической точки. Точка, хотя и не имѣетъ протяженія, все таки имѣть

пространственное положение относительно другихъ точекъ пространства. Въ понятіи духа нужно исключить все пространственное, по этому то духъ, если говорить о немъ на языкѣ пространства, нигдѣ не находится, что и значитъ, что духъ не имѣетъ пространственного положенія и не имѣетъ никакого отношенія къ пространству. Вследствіе невозможности отношенія непространственного духа къ пространственной матеріи, тогда какъ весь опытъ указываетъ на тѣсную связь и взаимное вліяніе другъ на друга духа и тѣла, и нѣтъ никакой возможности допустить или согласить существование двухъ субстанцій: духовной и тѣлесной. Значитъ, остается понять дѣло такъ: что или духовная явленія суть продукты или дѣйствія движущейся въ пространствѣ матеріи, или, наоборотъ, материальная явленія суть продукты или дѣйствія представляющаго и мыслящаго духа. Первая теорія называется материализмомъ, вторая теорія не имѣетъ строго опредѣленнаго названія и, по моему, всего бы лучше назвать ее *панпсихизмомъ*.

Серебрякова. Какъ же вы говорите, что духъ нигдѣ не находится, а между тѣмъ сами выражаетесь такъ, что мысли, чувства существуютъ въ духѣ?

Сократъ (улыбаясь). Что жь дѣлать то? Языкъ создавался не философами, а людьми наивными, а потому въ языке существуетъ множество метафорическихъ или фігурныхъ выражений, въ которыхъ непространственные духовные отношенія выражаются пространственнымъ языкомъ, по этому мы и говоримъ: въ духѣ, въ душѣ и т. п. Да и нѣтъ надобности, по моему, уничтожать этотъ фігурный языкъ и тѣмъ коверкать употребляемый языкъ до непонятности; надо только понимать, какъ слѣдуетъ, мысль, выражющуюся хотя бы и не соотвѣтствующимъ ей образнымъ языкомъ.

Въ это время вошелъ въ комнату Красоткинъ, а потому пока онъ здоровался и разговаривалъ съ присутствующими и хозяевами, Сократъ пилъ чай. Наконецъ, когда Красоткинъ усѣлся возлѣ стола за чаемъ, то обратился къ Сократу съ сожалѣніемъ, что онъ не могъ принять участіе въ обѣдѣ въ Мало-Ярославцѣ.

„Я бы скорѣе принялъ вашу сторону, Сократъ Ивановичъ“, говорилъ онъ, „такъ какъ тоже не могу согласиться съ Шугаевымъ, что субстанцій не существуетъ. Правда, въ противоположность вамъ, я признаю существованіе только матеріальныхъ субстанцій и, если будетъ на то ваше согласіе, то мы докончимъ нашъ споръ обѣ этомъ предметѣ, начатый у васъ въ домѣ“.

Калгановъ. Ну, ужь опоздали, ибо Сократомъ Ивановичемъ овладѣли дамы! Но только замѣтили ли вы, господа (обращаясь ко всѣмъ), что онъ совершенно безпрепятственно позволяетъ имъ говорить и дѣлать ему возраженія обѣмъ вмѣстѣ, между тѣмъ какъ отъ насъ требуетъ, чтобы мы говорили поодиночкѣ? Видно, дамы не свой братъ, и философъ не гарантированъ отъ ихъ башмачка.

Сократъ. Что жь, бывали случаи, что и философы были подъ башмачкомъ у дамъ, какъ показываетъ примѣръ великаго мужа, котораго я невольно и не достойно ношу имя. Но наши дамы та-кія любезныя и скромныя, что я не нахожу неудобнымъ бесѣдовать съ ними съ обѣими разомъ. Во всякомъ случаѣ имъ принадлежитъ рѣчь, хотя въ уваженіе къ слабымъ женскимъ силамъ (улыбаясь) я ничего не буду имѣть противъ, если каждая изъ дамъ въ случаѣ утомленія поручитъ комулибо изъ мужчинъ замѣщать ее на время. Само собою разумѣется, что съ мужчинами я уже не могу спорить такъ, чтобы двое говорили и обоимъ отвѣтить.

Красоткинъ (къ Серебряковой). Возьмите меня въ замѣстителя, Анна Михайловна.

Серебрякова. Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы вы продолжали вести рѣчь о томъ, что для меня интересно и не поднимать новыхъ вопросовъ.

Карамазова (обращаясь ко мнѣ). Ну, а я попрошу васъ, Платонъ Михайловичъ, быть моимъ замѣстителемъ.

Я. Согласенъ, только предупреждаю, буду плохимъ повѣреннымъ.

Серебрякова. И такъ, Сократъ Ивановичъ, если устраниТЬ дуализмъ, то вамъ придется доказать, что душа не зависита отъ тѣла.

Сократъ. Если Алексѣй Федоровичъ передалъ вамъ наши послѣдніе разговоры, то передалъ и высказанное мною основаніе, по которому я отрицаю существованіе пространства. Если же пространства не существуетъ, то не существуетъ и все находящееся въ немъ.

Карамазова. Изъ того, что мнѣ передалъ мужъ, повидимому, слѣдуетъ, что пространство не существуетъ, а только представляется. Но я совершенно не постигаю, какъ можно сказать, что наше тѣло не существуетъ (обращаясь ко мнѣ). Не пособите ли вы, Платонъ Михайловичъ, какънибудь въ этомъ затрудненіи.

Я. Я также думаю, что тѣло не существуетъ само по себѣ, что оно есть только въ представлениі и составляетъ весьма точный значекъ воли. Мое тѣло есть значекъ всего того, что я хочу, ваше —всего того, что вы хотите и т. д. Тѣло есть видимость воли, которая сама по себѣ не видима, но посредствомъ тѣла становится видимою и предметною.

Карамазова (обращаясь къ Серебряковой). Помогайте какънибудь вы, Анна Михайловна.

Серебрякова. Я все еще сомнѣваюсь на счетъ пространства. Если оно дѣйствительно не существуетъ, тогда мнѣ кажется несомнѣннымъ, что и тѣла не существуютъ, а только представляются, но тогда что же существуетъ?

Сократъ. Тогда можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ весь духовный міръ, т. е. духовныя субстанції съ ихъ дѣятельностями и отношеніями, а наши тѣла и весь материальный міръ суть значки этихъ духовныхъ субстанцій, ихъ дѣятельностей и отношеній.

Красоткинъ. Извините, Анна Михайловна, если я вамъ дамъ соѣтъ не входить съ Сократомъ Ивановичемъ въ разсужденіе о бытіи пространства. Онъ васъ тутъ запутаетъ. Пусть лучше онъ попробуетъ доказать, что его духовная субстанція не зависитъ отъ якобы не существующей матеріи, а мы ему на основаніи точной науки покажемъ, что его душа вполнѣ зависитъ отъ тѣла и нерв-

ной системы и что она есть ничто иное, какъ функция нервной системы.

Серебрякова. Я и послѣду вашему совѣту.

Карамазова. И я послушаю.

Сократъ. Какъ видится, вы, по совѣту Николая Ивановича, хотите обойти самый прямой путь въ нашемъ вопросѣ и ставите дѣло такъ, что, какъ будто существованіе пространства, а съ нимъ и всего материальнаго міра не подлежитъ сомнѣнію и допускается безъ всякаго спора. Извольте, я попытаюсь идти и этимъ окольнымъ путемъ, но прежде надобно нѣсколько установить предметъ нашего разговора, чтобы не расплываться въ безконечность и чтобы вести нашу рѣчь нѣсколько методически. Я имѣю въ виду защищать ту мысль, что известныя намъ изъ внутренняго опыта духовныя явленія, составляющія всю область нашего сознанія, какъ то: ощущенія, представленія, мысли, чувства, хотѣнія совсѣмъ не зависятъ по существу отъ матеріи или тѣла и не могутъ быть поняты и объяснены ея дѣятельностью. На нынѣшній разъ намъ и этого будетъ достаточно. Затѣмъ намъ останется только одно предположеніе, что эти духовныя явленія могутъ быть объяснены изъ бытія и дѣятельности духовной субстанціи, свойства которой, по моему, состоять въ томъ, что 1) какъ она, такъ и ея продукты не протяжены и не пространственны, и 2) что она *едина* во множествѣ ея состояній и дѣйствій и *тождественна* при постоянной измѣнчивости этихъ состояній и дѣйствій во времени. Въ примѣръ единства можно привести тотъ случай, что человѣкъ, думающій, что разумно и справедливо поступать такъ то и такъ то и въ то же время негодующій на себя и стыдящійся того, что онъ поступилъ какъ разъ противоположно своей мысли, представляеть не два различныя существа, не смотря на различие его одновременныхъ состояній, а только одно. Въ примѣръ тождества можно привести, что старикъ, рассказывающій о своихъ дѣтскихъ шалостяхъ и различныхъ похожденіяхъ молодости, составляетъ одно и то же существо, и шалившее въ дѣствѣ, и дѣйствовавшее въ молодости, и

рассказывающее въ старости. Сегодня мы займемся отрицательной стороной нашей темы, а положительную будемъ изслѣдовать какъ либо въ другой разъ. Согласны вы на это?

Карамазова и Серебрякова. Мы согласны.

Красоткинъ. Конечно, и я согласенъ. Только сдѣлаю одно замѣчаніе, что мнѣ всегда казалось страннымъ, что о существованіи души и другихъ подобныхъ предметовъ спрашиваютъ, спорятъ и сомнѣваются, тогда какъ всякий, за исключеніемъ нѣкоторыхъ философовъ, сочтетъ за сумасшедшаго того, кто его спроситъ, существуетъ ли этотъ столь, эта лампа, этотъ домъ.

Сократъ. Но вы, кажется, забыли, что огромное большинство тѣхъ, которые сочтутъ за сумасшедшаго сомнѣвающагося въ существованіи стола и дома, сочтутъ за сумасшедшаго также и всякаго, кто сомнѣвается въ существованіи души. Если они, по вашему, правы въ первомъ случаѣ, то почему жь бы имъ не быть правыми и во второмъ? Вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто ссылается въ чёмъ нибудь на мнѣніе большинства, нужно помнить, что это большинство есть, такъ сказать, палка о двухъ концахъ. Если же вы вашимъ замѣчаніемъ хотѣли сказать, что существуетъ только то, что подлежитъ чувственному воспріятію, то, конечно, это несправедливо. Мало ли вещей, которыя не подлежатъ чувственному воспріятію, а между тѣмъ признаются за существующія? Множество людей, и вы въ томъ числѣ признаютъ же существующими, напр., пространство, время, материальные атомы, а между тѣмъ ихъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни понюхать и т. п. Только немногіе философы, въ томъ числѣ и я грѣшный, признаютъ время, пространство и атомы не существующими. За то я признаю существование души, хотя она не видима, не слышима и не пахнетъ. По моему, послѣднимъ рѣшителемъ того, что существуетъ и что не существуетъ, долженъ быть разумъ и притомъ не частный разумъ этого индивидуального человѣка, а всеобщій и единый разумъ, составляющей основу и для частнаго, индивидуального разума какъ людей, такъ и другихъ возможныхъ разумныхъ существъ. Но обратимся къ на-

шему вопросу. Къ сожалѣнію, я не могу начать его иначе, какъ коснувшись того же предмета, о которомъ мы уже вели рѣчь съ Николаемъ Ивановичемъ. Если мы возьмемъ самыя простейшія состоянія сознанія, каковы, напр., чувственный опущенія или элементарный чувства, то и они не могутъ быть объяснены изъ матеріи. Мѣшаеть этому полная *несравнимость* материальныхъ движений съ содержаніемъ опущенія или чувства, т. е. цвѣтомъ, звукомъ, гладкостью, шероховатостью, тепломъ, радостью, злобой и т. под. Колебанія эфира, какихъ хотите скоростей, какой хотите длины и ширины волнъ и т. п., совсѣмъ не то, что красный или голубой цвѣтъ, или ощущеніе тепла. Колебаніе воздуха совсѣмъ не то, что кислота или сладость и т. д. Укажите мнѣ пунктъ, где колебаніе или движение эфира въ матеріи исчезаетъ и переходитъ въ цвѣтъ, звукъ, вкусъ, тогда я, можетъ быть, и спорить буду съ вами не сталъ, но этого никто не указалъ, а по моему, и никогда не укажетъ.

Красоткинъ. Конечно, гдѣ и какъ совершаются превращенія точно указать нельзя, но я не знаю, почему бы материальному движению и колебанію не превращаться въ цвѣта, звуки или чувства и т. п. Вѣдь мысль, какъ известно изъ физіологии, производить теплоту, почему бы и теплота или другой физической силѣ не превратиться въ мысль?

Сократъ. Материальное движение, массовое или молекулярное, никогда не можетъ, по моему, перейти въ какое либо психическое состояніе, потому что это противорѣчило бы установленному физической закону сохраненія энергіи. Всякое движение должно проявляться въ движениіи же потенциальномъ или живомъ; значитъ, все, имѣющее форму физико-химическихъ силъ, должно быть найдено въ той же формѣ, т. е., ни одной юты энергіи молекулярныхъ движений мозга не можетъ превратиться въ то, что не есть движение, каковы психическая явленія мысли, чувства, желанія. Что же касается до того, что будто бы мысль производить теплоту, то я, конечно, не

возникъ бы беспокойный вопросъ, какіе именно элементы клѣточекъ сохраняютъ психическое содержаніе. Можетъ быть, знаменитый фосфоръ Молешотта есть носитель мысли?!

Красоткинъ. Опять мы, кажется, идемъ въ темный уголъ. Конечно, если искать мѣсто, гдѣ сохраняются силы для воспроизведенія ощущеній, чувствъ и пр., то нужно остановиться на атомахъ, какъ на носителяхъ всяческихъ явлений.

Сократъ. Охъ, Николай Ивановичъ, давно ужъ я замѣчаю, что отвѣтываете вы на мои вопросы какъ-то не прямо, а съ изворотомъ (смѣется)! Но, какъ бы то ни было, допустимъ, что въ атомахъ сохраняются возникающія изъ колебаній матерії психической состоянія. Спрашивается, не есть ли вмѣстилище для всѣхъ психическихъ явлений какой либо одинъ атомъ?? Если такъ, то этотъ атомъ и есть искомая *единая душа*. Затрудненіе было -бы только въ томъ, почему такая привилегія быть носителемъ духовныхъ явлений при надлежитъ только одному атому мозга, а прочие материальные атомы, не пользуясь этой привилегіей, получали бы только механическіе толчки другъ отъ друга и двигались или колебались въ пространствѣ. Другое же затрудненіе состояло бы въ томъ, какъ такое безчисленное множество психическихъ явлений помѣщалось бы въ пространствѣ одного атома. И такъ, скорѣе нужно допустить, что психическая состоянія распредѣляются по отдѣльнымъ атомамъ, въ однихъ хранятся всевозможные цвета со всѣми оттенками, въ другихъ — звуки и т. д. Опять спрашивается, за что у одного атома будетъ привилегія заключать въ себѣ прекрасный синий цветъ неба, а у другого горькая участъ заключать въ себѣ запахъ тухлого яйца. Но пусть такъ! Возникаетъ еще большее затрудненіе! Мы можемъ получить безчисленныя впечатлѣнія отъ одного и того же предмета въ различное время и при различныхъ обстоятельствахъ. Непремѣнно эти впечатлѣнія будутъ различны, но обыкновенно они сливаются въ нечто общее. Такъ, напримѣръ, когда мы вспоминаемъ о какомъ либо знакомомъ, то мы представляемъ себѣ при воспоминаніи цветъ его лица, какъ нечто единое и тожде-

могу съ этимъ согласиться. Физіологія можетъ замѣтать и замѣчаетъ, что при напряженномъ мышлѣніи обнаруживается повышеніе температуры, но оно происходитъ не отъ мышлѣнія, а отъ тренія, движенія, распаденія молекулъ мозга. Молекулярное же движеніе, отражающееся вообще въ расширеніи тѣла, а также въ повышеніи температуры, т. е., теплота съ точки зреінія физики, во-все не есть психическое ощущеніе тепла. Оба явленія сопутствуютъ другъ другу во времени, но не сводимы другъ къ другу и не стоять въ причинномъ отношеніи. Наконецъ, все таки если бъ и допустить, что колебанія и движенія становятся краснымъ, синимъ цвѣтомъ, соленымъ вкусомъ, мягкостью на осязаніе, стыдомъ, страхомъ, чувствомъ голода или жажды и т. д., то опять остается то необоримое затрудненіе, котораго мы уже касались. Спрашивается, гдѣ же помѣщаются эти красное, синее, соленое и т. д. превратившіяся изъ, находившихся въ тѣхъ или другихъ пунктахъ пространства, молекулярныхъ движеній или колебаній, ибо, по моему, нельзя же серьезно допустить, чтобы чувственныя качества тѣла помѣщались или въ самихъ вещахъ, или въ нашемъ тѣлѣ, въ нашемъ мозгу и т. д.?

„Но, не стѣсняясь этою невозможностью, положимъ, что ощущенія и вообще простейшіе элементы духовной жизни какъ либо возникаютъ въ занимающихъ пространство мозгахъ. Спрашивается, какъ эти элементы сохраняются, возобновляются и затѣмъ сочетаются въ сложнѣйшія явленія психической жизни, или говоря языкомъ психологіи, какъ объяснить происхожденіе явленій: памяти, воспоминанія, представленія, мышлѣнія во всѣхъ его формахъ, сложныхъ чувствъ и желаній и т. п.?

Красоткинъ. Затрудняться на счетъ мѣста, гдѣ сохраняются впечатлѣнія отъ матеріи и явленія сознанія, нечего. Въ головномъ мозгу клѣточки и нервныя нити считаются сотнями миллионовъ.

Сократъ. Прекрасно, но, вѣдь, клѣточки и нити состоятъ изъ частей, молекулъ, атомовъ, по этому едва-ли можно предположить, что клѣточки и нити суть носители духовныхъ явленій, ибо тогда

ственное, хотя во многихъ случаяхъ это единое и тождественное, общее въ цвѣтѣ лица этого знакомаго, можетъ распадаться на нѣсколько частныхъ образовъ. Такъ мы можемъ вспоминать цвѣты лица нашего знакомаго, когда онъ былъ болѣнъ, былъ весель, былъ пьянъ, былъ въ большомъ страхѣ и т. д. Значить, не слѣдуетъ ли представлять дѣло такъ, что каждое особое впечатлѣніе и особое видоизмѣненіе, положимъ, цвѣта лица и проч. сохраняется въ различныхъ атомахъ мозга? Мѣста, конечно, хватитъ, ибо съ величиною атомовъ церемониться нечего. Въ пространствѣ, къ которому прикасается острѣ тончайшей иглы, можно предположить миллиарды, а мало, такъ билліоны атомовъ и т. д. Но дѣйствительное затрудненіе въ томъ, какъ изъ этихъ отдельныхъ впечатлѣній образуется то нѣчто общее и единое, о которомъ я сейчасъ сказалъ, и кѣмъ оно образуется? Каждый атомъ механически удерживается свое впечатлѣніе и только его, такъ сказать, фосфоресцируетъ въ психическомъ содержаніи. Позволю себѣ употреблять слово: *фосфоресцировать*, въ томъ смыслѣ, что атомы мозга какъ бы реагируютъ (хотя и сознаю, что это совершенно пустое въ этомъ случаѣ слово) на колебанія и движенія ощущеніями, воспоминаніемъ и др. психическими явленіями. Но какой-же атомъ фосфоресцируетъ то общее единство, котораго нѣть ни въ одной частной фосфоресценціи отдельныхъ впечатлѣній? Точно тоже должно допустить и относительно всѣхъ другихъ ощущеній. По моему, атомы, если бы они даже и были носителями простѣйшихъ психическихъ чувственныхъ качествъ, все таки ни каждый по одиночкѣ, ни всѣ вмѣстѣ не могли бы доставить того единства и тождества качествъ, съ которыми мы сознаемъ извѣстныя намъ вещи и при сознаніи которыхъ мы только и можемъ быть увѣрены, что знаемъ эту вещь, какъ нѣчто индивидуальное, отличное отъ другихъ подобныхъ-же, но не тождественныхъ вещей. Если бы мы имѣли въ своемъ сознаніи то, что вытекало бы изъ индивидуальной природы вещи міра физического и изъ индивидуальной природы впечатлѣній, т. е., если бы носили въ сознаніи безконечное количество модификацій

ственное, хотя во многихъ случаяхъ это единое и тождественное, общее въ цвѣтѣ лица этого знакомаго, можетъ распадаться на нѣсколько частныхъ образовъ. Такъ мы можемъ вспоминать цвѣтъ лица нашего знакомаго, когда онъ былъ болѣнъ, былъ веселъ, былъ пьянъ, былъ въ большомъ страхѣ и т. д. Значитъ, не слѣдуетъ ли представлять дѣло такъ, что каждое особое впечатлѣніе и особое видоизмѣненіе, положимъ, цвѣта лица и проч. сохраняется въ различныхъ атомахъ мозга? Мѣста, конечно, хватить, ибо съ величиной атомовъ церемониться нечего. Въ пространствѣ, къ которому прикасается острѣ тончайшей иглы, можно предположить миллиарды, а мало, такъ билліоны атомовъ и т. д. Но дѣйствительное затрудненіе въ томъ, какъ изъ этихъ отдѣльныхъ впечатлѣній образуется то нѣчто общее и единое, о которомъ я сейчасъ сказалъ, и кѣмъ оно образуется? Каждый атомъ механически удерживаетъ свое впечатлѣніе и только его, такъ сказать, фосфоресцируетъ въ психическомъ содержаніи. Позволю себѣ употреблять слово: *фосфоресцировать*, въ томъ смыслѣ, что атомы мозга какъ бы реагируютъ (хотя и сознаю, что это совершенно пустое въ этомъ случаѣ слово) на колебанія и движенія ощущеніями, воспоминаніемъ и др. психическими явленіями. Но какой-же атомъ фосфоресцируетъ то общее единство, котораго нѣть ни въ одной частной фосфоресценціи отдѣльныхъ впечатлѣній? Точно тоже должно допустить и относительно всѣхъ другихъ ощущеній. По моему, атомы, если бы они даже и были носителями простѣйшихъ психическихъ чувственныхъ качествъ, все таки ни каждый по одинокѣй, ни всѣ вмѣстѣ не могли бы доставить того единства и тождества качествъ, съ которыми мы сознаемъ известныя намъ вещи и при сознаніи которыхъ мы только и можемъ быть увѣрены, что знаемъ эту вещь, какъ нѣчто индивидуальное, отличное отъ другихъ подобныхъ-же, но не тождественныхъ вещей. Если бы мы имѣли въ своемъ сознаніи то, что вытекало бы изъ индивидуальной природы вещи міра физического и изъ индивидуальной природы впечатлѣній, т. е., если бы носили въ сознаніи безконечное количество модификацій

въ впечатлѣніяхъ, которыя дѣлаеть на насъ вещь, вслѣдствіе, съ одной стороны, постоянныхъ и непрерывныхъ перемѣнъ въ ней самой, а съ другой, постоянныхъ и непрерывныхъ перемѣнъ въ нашемъ тѣлѣ и его воспринимающихъ органахъ, то вышеозначенной увѣренности никогда не могло бы и быть и мы не могли бы имѣть никакого познанія, а какой то хаосъ отдельныхъ и невыразимыхъ ощущеній, сохраняемыхъ и фосфоресцируемыхъ атомами мозга.

„Теперь взглянемъ на некоторые обстоятельства, сопровождающія воспоминанія, и укажемъ на невозможность происхожденія ихъ изъ физико-химическихъ процессовъ органической матеріи вообще и мозга въ особенности. Въ возникновеніи воспоминаній, какъ известно каждому изъ собственного опыта, весьма важную роль играетъ интересъ. Лицо, которое, положимъ, обвиняютъ въ безчестномъ, преступномъ поступкѣ, или таковомъ - же общемъ поведеніи цѣлой жизни, или какой либо значительной ея части и которое хочетъ оправдаться отъ этого обвиненія, вспоминаетъ всѣ самыя ничтожныя, иногда очень отдаленные по времени, обстоятельства и события изъ своей прошлой жизни, повидимому, совершенно забытыя, какъ то: встречи, лица, слова, разговоры, тонъ голоса, мимику, движенія, жесты, свои собственные ничѣмъ не обнаруженные тогда мысли, чувства, наконецъ, даже безжизненные и весьма не важные вещи, ихъ цветъ, форму и т. д. Спрашивается, какъ устраивается чудесная и поразительная цѣлесообразность этого явленія?! Передаютъ ли тѣ атомы, въ которыхъ начали быть сознаваемы желаніе оправдаться, страхъ отъ послѣдствій обвиненій и прочія обстоятельства настоящаго сознанія, передаютъ ли эти атомы, говорю я, наступившее въ нихъ сознаніе другимъ атомамъ для того, чтобы эти послѣдніе цѣлесообразно фосфоресцировали свое частное и частичное содержаніе, сохраняемое изъ прошлаго сознанія и нужное для того, чтобы составилось то общее цѣлое, что называется оправданіемъ? Какъ случается то, что возникаютъ въ воспоминаніи именно только тѣ мелочи и подробности, которыя какъ либо касаются до этого оправданія, между тѣмъ какъ все другое,

Хотя и происходившее въ одно и то же время съ воспоминаемъ, остается совершенно забытымъ? Кто это выбираетъ все нужное и выводить его въ ясное сознаніе и оставляетъ въ латентномъ состояніи все ненужное для данной минуты и для цѣли оправданія? Наконецъ, кто это нужное, но разбросанное по мелочамъ и ничтожнымъ фрагментамъ во множествѣ различныхъ атомовъ, соединяетъ въ одно логическое, проникнутое одной идеей и одною цѣлью, цѣлое, которое называется оправданіемъ?! Конечно, по моему, этого не могутъ дѣлать разрозненные, безчисленные атомы, а, если хотите, то и клѣточки, которые соотвѣтственно допущенной мною уступкѣ, если и способны фосфоресцировать что либо въ сознаніи, то только отдельные и разрозненные элементы, не имѣющіе въ своей отдельности и разрозненности никакого опредѣленного смысла и значенія".

"Но этимъ еще не кончаются затрудненія, соединенные съ воспоминаніемъ при предположеніи, что вспоминаютъ атомы мозга" ...

Во время послѣднихъ словъ Сократа, Серебрякова обратилась шепотомъ съ какимъ-то предложеніемъ къ сидѣвшему рядомъ съ ней Красоткину, который отвѣчалъ знакомъ согласія и сказалъ Сократу.

"Извините, Сократъ Ивановичъ, что я позволю себѣ остановить васъ и насколько охладить увлеченіе, которое, очевидно, овладѣваетъ вами, когда вы думаете, что и соединяются, и возобновляются впечатлѣнія не атомами, а душою. У насъ въ медицинѣ извѣстно множество фактовъ и патологическихъ случаевъ, доказывающихъ, что сознаніе свѣта, звука и т. п. зависитъ отъ прѣности и нормальности дѣйствія нервовъ, проводящихъ вибраціи раздраженія и что сохраненіе впечатлѣній и возможность ихъ возобновленія въ воспоминаніи зависитъ отъ прѣности нервныхъ центровъ въ мозгу и ихъ нормального состава и функций. Значитъ, если перерѣзать нервы и повредить мозговые центры, то ни впечатлѣній, ни памяти, ни воспоминаній не будетъ.

Сократъ (обращаясь къ Серебряковой). Эхъ, какая вы недобрая, Анна Михайловна! не хотите дать мнѣ немножко поблагодушевовать съ моей душою и побуждаете Николая Ивановича опустить Дамоклоя мечъ, висящій надъ ней (обращаясь къ присутствующимъ). Господа, прошу васъ, уговорите Николая Ивановича и Анну Михайловну, дать мнѣ льготу еще на полчасика, а ужъ потомъ мы и ляжемъ на плаху.

Карамазова. Такъ какъ право бесѣды съ Сократомъ Ивановичемъ принадлежитъ намъ съ Анной Михайловной вмѣстѣ, то я съ своей стороны ничего не имѣю противъ того, чтобы онъ окончилъ начатую имъ рѣчь, а потомъ ужъ отвѣчалъ Николаю Ивановичу.

Сократъ. Самое неодолимое затрудненіе въ томъ, чтобы атомы мозга могли хранить психическія состоянія и воспроизводить ихъ потомъ въ воспоминаніи, состоитъ, по моему, въ фактѣ обмѣна вещества въ организмѣ. Не знаю точно, по едва-ли много ошибаюсь, думая, что года въ два весь человѣческій организмъ обновляется вполнѣ. Ни одной молекулы, ни одного атома изъ старыхъ не остается. Конечно, атомъ, удаляющійся изъ мозга путемъ этого обмѣна вещества уносить съ собою и все свое психическое содержаніе и свою возможность фосфоресцировать его, а между тѣмъ мы вспоминаемъ съ мельчайшими подробностями происходившее тому назадъ не два года, а десятки лѣтъ. Правда, высказываемо было мнѣніе, что выбывающее изъ организма вещество передаетъ свое содержаніе и опытъ вновь прибывающему. По этому, нужно понимать дѣло такъ, что материальныя атомы выдѣляются изъ тѣла и мозга безъ цвѣтовъ, звуковъ, чувствъ, мыслей, хотѣній, которые въ нихъ заключались прежде, и оставляютъ ихъ для храненія и фосфоресценціи новымъ пришельцамъ, подобно часовымъ, передающимъ другъ другу, при смѣнѣ, пароль и лозунгъ. Въ такомъ случаѣ спрашивается, какимъ образомъ изъ одного атома, по самому понятію своему, недопускающему дѣленія, выдѣлится нѣкая часть, т. е., психическое содержаніе, которое, не будемъ забывать, по нашему условію, материально и снимаетъ пространство, и далѣе, какъ эта

часть войдетъ въ другой атомъ, опять таки, по понятію своему, нѣчто совершенно непроницаемое. Для меня это окончательно не мыслимо, и вообще вся эта теорія, по которой атомы передаютъ что либо изъ своего содержанія другимъ атомамъ, есть, по моему, такая грубая миѳология, что я больше не стану о ней говорить и перейду къ другимъ пунктамъ.

„Конечно, я сейчасъ не могу осмотрѣть всѣхъ фактовъ умственной жизни и на всѣхъ указать невозможность произведенія ихъ различными материальными элементами нашего организма или мозга. Но, для примѣра, остановимся на основномъ актѣ нашего мышленія, а именно — *сужденію*. Актъ сужденія, какъ известно, состоитъ въ соединеніи, по крайней мѣрѣ, двухъ представлений, относящихся такъ другъ къ другу, что они въ силу этого отношенія, составляютъ неразрывное единство. Это отношеніе и его выраженіе въ сужденіи сопровождаются *чувствомъ необходимости* соединенія въ одно цѣлое двухъ элементовъ сужденія: *субъекта* и *предиката*. Чувство же необходимости основывается на сознаніи природы субъекта и предиката, т. е., что они, въ силу этой природы, сопринаадлежны и могутъ быть соединены актомъ мысли въ одно цѣлое безъ противорѣчія. Только при этомъ сознаніи необходимости соединенія субъекта съ предикатомъ, наша мысль и будетъ дѣйствительно мыслю, дѣйствительнымъ актомъ сужденія, а безъ этого сознанія наша мысль будетъ только постановкой рядомъ двухъ словъ. Напр., сужденіе: китъ есть животное млекопитающее, требуетъ сознанія слѣдующихъ элементовъ и отношеній: 1) сознанія о воспоминаніи, вызывающихъ довѣріе, слышанныхъ разсказовъ, читанныхъ описаній, а можетъ быть, и случаевъ собственного опыта, что китъ имѣетъ сосцы, родить живыхъ дѣтенышь и т. под.; 2) сознанія о воспоминаніи существованія цѣлой группы животныхъ, родящихъ живыхъ дѣтенышь и кормящихъ ихъ молокомъ: кошки, собаки, лошади и т. п.; 3) сознанія о сравненіи представленія кита съ представленіемъ цѣлой группы; 4) сознанія о результатахъ этого сравненія, состоящемъ въ отнесен-

ній перваго представления къ группѣ другихъ и, можетъ быть 5) сознанія, что, подъ вліяніемъ вѣшняго вида кита, самъ мыслящій относилъ его ошибочно прежде къ рыбамъ, а что другое и теперь относятъ. Всѣ эти моменты сознанія, составляющаго условіе для нашего сужденія, должны принадлежать только одному субъекту и никакъ не могутъ быть распределены по множеству субъектовъ или атомовъ. Тотъ, кто представляетъ кита, кто представляетъ группу плекопитающихъ, кто сравниваетъ первое представление со вторымъ, относитъ ихъ другъ къ другу и мыслить ихъ единство и сопринаадлежность, долженъ быть однимъ и тѣмъ же существомъ, иначе невозможно сужденіе, а съ нимъ и всѣ другіе сложнейшіе акты мышленія, состоящіе изъ сужденій. Если происхожденіе сужденія не допустимо изъ дѣятельности матеріальныхъ атомовъ, то что же сказать о болѣе сложныхъ операціяхъ мысли, напр., въ цѣломъ ряду силлогизмовъ, или въ случаѣ цѣлаго сочиненія, въ которомъ развивается одна тема, проникнутая одной цѣлью и расположенная по одному плану? Что сказать, наконецъ, о великихъ философахъ: Платонѣ, Аристотелѣ, Декартѣ, Лейбницѣ, Кантѣ и т. п., у которыхъ каждое отдельное сужденіе имѣеть въ виду отношеніе, связь и согласие его съ цѣлымъ ихъ міросозерцаніемъ, и у которыхъ въ каждомъ моментѣ ихъ умственной дѣятельности, какъ бы въ одно мгновеніе, обозрѣвается вся эта сложная система со всѣми ея деталями и развѣтвленіями?

„Сказанного мною, кажется, достаточно, чтобы возбудить въ моихъ собесѣдникахъ, которыхъ я преимущественно имѣю въ виду, сомнѣніе въ невозможности, чтобы наша умственная и вообще духовная жизнь была продуктомъ и отправленіемъ атомовъ мозга, или нервной системы. Затѣмъ остается принять, что эта жизнь есть функція духовной субстанціи и происходитъ отъ ея дѣятельности. Этой духовной субстанціи, а не атомамъ мозга, принадлежитъ сознаніе всѣхъ ощущеній, чувствъ и желаній и простѣйшихъ, и сложнейшихъ, возникающихъ въ ней въ безконечномъ разнообразіи вслѣдствіе ея собственной дѣятельности. Ей также принадле-

живь и сознаніе объ этой собственной дѣятельности и ея продуктахъ. Та же духовная субстанція соединяетъ, на основаніи ея собственныхъ принциповъ и соотвѣтственно ея цѣлямъ, продукты или явленія дѣятельности одного рода, какъ напр., познавательной, другъ съ другомъ, а также соединяетъ въ одно цѣлое и явленія дѣятельности разныхъ родовъ, какъ напр., дѣятельности познавательной, желательной, чувствовательной, при чемъ представлѣніе, продуктъ дѣятельности познавательной, становится для субстанціи объектомъ желанія или отвращенія, и вызываетъ въ ней чувство удовольствія или неудовольствія. Так же духовная субстанція координируетъ всѣ свои различныя дѣятельности такъ, чтобы онъ не противорѣчили и не парализировали другъ друга, а приближались бы къ гармоническому единству. Наконецъ та же субстанція стремится къ возможно большему согласію и гармоніи своей индивидуальной дѣятельности съ дѣятельностью какъ другихъ субстанцій того же рода напр., людей, такъ и существъ другого рода, напр., животныхъ. Во всѣхъ вышеозначенныхъ дѣятельностяхъ наша духовная субстанція едина и тождественна, что и отражается въ единстве сознанія. Но, я считаю, что всего сказанного о дѣятельности нашей духовной субстанціи довольно, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ. Теперь нужно отвѣтить на сказанное Николаемъ Ивановичемъ.

Въ это время хозяйка предложила гостямъ освѣжиться поданнымъ на столъ рейнвейномъ и особенно угощала Сократа, говоря, что ему нужно подкрепиться для защиты души и ея бытія.

Сократъ. Благодарю васъ, милейшая Катерина Ивановна, за винцо, которымъ я съ удовольствіемъ промочу горло. Но совѣтую вамъ не очень бояться за душу, если только для васъ стало ясно изъ предшествующаго разговора, что всѣ наши психические состоянія не могли быть произведены матеріальными атомами.

Карамазова. Хотя я и не могу похвастаться, что я поняла все сказанное вами, но все таки поняла настолько, что мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы атомы, а не мы, думали, чувствовали и хотѣли.

Сократъ (къ Серебряковой). А вы какъ, Анна Михайловна?

Серебрякова. Я еще ничего не могу сказать до тѣхъ поръ, пока не услышу, что вы скажете на замѣчаніе Николая Ивановича.

Сократъ. Я вижу, что вы ждете отъ меня чего-то необыкновенного, чего-то въ родѣ торжественнаю заклинанія, а мнѣ кажется, что я тихомолкомъ это заклинаніе уже давно сдѣлалъ (Пьетъ вино, улыбаясь). Во всякомъ случаѣ я нисколько не оспариваю ни фактовъ извѣстныхъ медицинѣ, ни патологическихъ случаевъ, на которые ссылается Николай Ивановичъ. Не знаю только, для чего онъ на нихъ ссылается.

Красоткинъ. Какъ для чего?! Для того, чтобы показать, что духъ вполнѣ зависитъ отъ тѣла. Патологія и физіология доказываютъ, что всѣ душевныя явленія, напр., мысль, нравственность, все зависятъ отъ тѣла; да что и развивается - то духъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Такъ, у нисшихъ животныхъ, монеръ, корненожекъ, инфузорій нѣтъ и слѣда нервной системы, нѣтъ и сознанія; но, по мѣрѣ того, какъ она развивается, начинается и духовная жизнь. У высшихъ животныхъ и особенно у человѣка развитіе духовной жизни выражается въ развитіи нервной системы, полушарій мозга, въ увеличеніи мозгового вещества. У помѣшанныхъ замѣчаются ясныя поврежденія мозга и измѣненія въ немъ; хроническія болѣзни мозга ведутъ за собой постепенное ослабленіе умственныхъ способностей и чувствительности. Поврежденія различныхъ центровъ мозга уничтожаютъ различные виды памяти....

Сократъ. Да, вѣдь, я ничего этого не отрицаю; пожалуй, я пойду дальше вашего и скажу, что всякому психическому явленію непремѣнно соотвѣтствуетъ особое явленіе въ состояніи или дѣятельности мозга; и если бы были возможны для насъ точныя наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ въ мозгу, то можно было бы изъ перемѣнъ мозга заключать о перемѣнахъ въ мысляхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ, конечно, тому, кто мыслить, чувствовать и желаетъ, а не атомамъ. Но я все таки не знаю, что вы хотите изъ этого параллелизма и соотвѣтствія вывести?!

Красоткинъ. Зависимость существованія души и ея дѣятельности отъ мозга!

Сократъ. Ну, этого я никакъ не могу допустить. Вспомнимъ хорошенько сущность и предметъ нашего спора. Если въ предшествующемъ разговорѣ, и въ этомъ, и въ прежнемъ, который я велъ съ вами у меня въ домѣ, мнѣ удалось выяснить, что духовная явленія не могутъ быть объяснены изъ матеріи, то мы имѣемъ право приписать ихъ дѣятельности особой духовной субстанціи, не находящейся въ пространствѣ. Если я этого не выяснилъ, то споръ нашъ опять долженъ быть начать снова. Если же со мной можно согласиться, то ужъ ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить, чтобы эта духовная субстанція въ ея бытіи и дѣятельности отъ чего либо зависѣла, а тѣмъ болѣе отъ субстанцій иногорода, каковы, напр., матерія или атомы. Нельзя этого допустить, потому что тогда духовная субстанція была бы не субстанція, а шугаевскій пучокъ или вѣнчикъ! Конечно, вѣдь, и вы не допустите, чтобы ваши субстанціи или атомы зависѣли въ своемъ бытіи и дѣятельности отъ чего либо другаго, а не отъ себя, чтобы, напр., одинъ атомъ получалъ свое существованіе отъ другаго, или, чтобы атомы кислорода получали свою способность соединяться съ атомами водорода въ воду откуда либо извнѣ. Итакъ, ни бытіе души, ни ея отправленія въ ихъ природѣ не зависятъ и не могутъ зависѣть ни отъ мозга, ни вообще отъ міра веществъ. Но замѣтьте при этомъ, что мы теперь стоимъ на точкѣ зрѣнія дуализма, т. е., допускаемъ при духовныхъ субстанціяхъ и матеріальныя. Настоящая же точка зрѣнія моя, что вовсе нѣтъ никакихъ матеріальныхъ субстанцій, что матерія сама по себѣ не существуетъ, а существуетъ только въ умственномъ актѣ духовной субстанціи.

Серебрякова. Ну, ужъ тутъ я рѣшительно ничего не понимаю. Да, вѣдь, вы сами же сейчасъ согласились съ Николаемъ Ивановичемъ въ томъ, что дѣятельность духовная связана и зависитъ отъ состоянія тѣла и мозга.

Сократъ. Да, связана и зависитъ! Но зависимость не въ бытіи души и ея дѣятельности, а въ способѣ этой дѣятельности. Я сей-часъ сказалъ, что наше тѣло и весь материальный міръ самъ по себѣ не существуетъ таковымъ, каковымъ мы его представляемъ, а что онъ есть значекъ чего-то другаго. Этотъ значекъ, весьма аналогичный, напр., перспективному образу видимыхъ нами вещей, изображаетъ въ своего рода перспективѣ отношенія нашей субстанціи съ другими духовными субстанціями и ихъ взаимодѣйствіе. Это довольно ясно изъ нашихъ отношеній другъ къ другу. Непосредственно ни одна душа не дѣйствуетъ на другую и не общится съ другою, а это общеніе совершается посредствомъ тѣла и透过 его пространственныя движения. Подъ образомъ нашего тѣла и вообще материальнаго міра скрывается множество духовныхъ субстанцій, которые стоять съ нами во взаимной связи, оказываютъ на насъ влияніе и мы на нихъ. Но однако эта связь и взаимодѣйствіе не простираются на самостоятельность бытія и на самостоятельность дѣйствія каждой субстанціи. Зависимость же состоитъ только въ томъ, что связанныя съ нами субстанціи или способствуютъ обнаруженію нашей дѣятельности, или ее задерживаютъ. Въ этомъ смыслѣ и тѣло наше вліяетъ на насъ; оно способствуетъ развитию и обнаруженію нашей собственной дѣятельности, собственныхъ силъ и собственныхъ задатковъ, или задерживаетъ это развитіе и обнаруженіе. Всего лучше это отношеніе поясняется отношеніемъ действующаго человѣка къ его орудіямъ, музыканта къ инструментамъ, сельского хозяина къ машинамъ, животнымъ, даже рабочимъ и т. д.

„Но я не могу теперь заразъ изложить вамъ все содержаніе той метафизики, которую я исповѣдую и которая для того, чтобы быть понятной, требуетъ множество предварительныхъ объясненій, которыхъ я отложимъ до другого раза.“

Калгановъ (обращаясь къ Карамазовой). Катерина Ивановна! разрѣшите мнѣ вмѣсто васъ сдѣлать возраженіе Сократу Ивановичу!

Карамазова. Я съ удовольствіемъ; но что скажетъ самъ Сократъ Ивановичъ?

Сократъ. И я нимало вопреки глаголю. Возражайте, а я пока выпью винца.

Калгановъ. Вотъ, вы все говорите, что и мы, какъ духи, не находимся въ пространствѣ, а также, что и наши мысли, чувства, желанія тоже не находятся въ пространствѣ. По здравому смыслу, мы думаемъ, что вы мыслили тамъ же, гдѣ и находится ваше тѣло, т. е. мыслили въ этой комнатѣ и выражали тамъ же свои мысли, а мы слушали ваши слова или выраженія вашихъ мыслей и понимали эти мысли. Какъ же это могло быть, когда ни ваша мыслившая, ни наши понимавшія души, а также и самыя мысли здѣсь не существовали?

Сократъ. Экъ штуку придумалъ! Иному передовому въ ность бросится! Вотъ, я теперь говорю и думаю въ одно и то же время: какой хороший человѣкъ Петръ Фомичъ и чувствую, что я расположены къ Петру Фомичу и досадую, что онъ со мной не согласенъ, досадую и на него, да и на себя, что не умѣю его согласить, хотя и хочу этого соглашенія. Значитъ въ одно и то же время я имѣю различные психическія явленія: 1) мысль о томъ, что Петръ Фомичъ хороший человѣкъ, но что онъ со мной не согласенъ, 2) чувство расположения къ Петру Фомичу и чувство досады на себя и на него за его несогласіе со мной и 3) желаніе согласить его. Если всѣ эти одновременные явленія находятся тамъ же, гдѣ и мое тѣло, т. е. въ пространствѣ этой комнаты, то положеніе всѣхъ ихъ могло бы быть опредѣлено геометрически точно посредствомъ разстоянія ихъ отъ 3 перпендикулярныхъ другъ къ другу плоскостей, разсѣкающихъ мое тѣло на стороны: правую и лѣвую, заднюю и переднюю, верхнюю и нижнюю, и которыхъ мы назовемъ А, В, С, такъ что общій пунктъ пересѣченій плоскостей находился бы, съ позволеніемъ сказать, въ центрѣ всяческой скверны, въ брюшной полости. Значитъ, мои мысли находились бы отъ плоскости А въ разстояніи нѣсколькихъ футовъ или дюймовъ что ли, отъ плоскости В въ другомъ разстояніи, отъ плоскости С въ третьемъ. Далѣе, какъ мысли, чувства и желанія, по своему

коренному отличию другъ отъ друга, не могутъ быть въ одномъ мѣстѣ, то нужно предположить особое разстояніе чувствъ и желаній отъ плоскостей А, В, С. Ну, Петръ Фомичъ, согласны вы на такое слѣдствіе изъ вашего возраженія?

Калгановъ. Да я не совсѣмъ могу взять въ толкъ, что вы сей-часъ говорите. Это что то странное!

Сократъ. Странно или нѣтъ, а математически положеніе всякой точки въ пространствѣ, а слѣдовательно и всего находящагося въ тѣхъ или другихъ точкахъ пространства можетъ и должно быть опредѣлено разстояніемъ отъ трехъ перпендикулярно пересѣкающиx плоскостей. Значитъ, мысли были бы направо, или нальво отъ чувствъ, а желанія были бы вверху или внизу мыслей, а чувства были бы спереди или сзади желаній. Возможно это или нѣтъ? Но еще шагъ (указывая пальцемъ на бутылку)! *Бутылка съ рейнвейномъ стоитъ на столѣ!* Надѣюсь, эта мысль прошла у всѣхъ у васъ въ то мгновеніе, когда я сказалъ эти слова. Бутылка одна и та же, и мысль, относящаяся къ ней, одна и та же; если она въ пространствѣ этой комнаты, т. е., въ пространствѣ тѣлъ человѣческихъ, находящихся въ этой комнатѣ, то спрашивается, въ какомъ она разстояніи отъ 3-хъ пересѣкающихъ плоскостей?

Серебрякова. Да какихъ же плоскостей?

Сократъ. Ну, хоть тѣхъ же самыхъ, которыми разсѣчено мое грѣшное тѣло.... Очевидно, что мысль въ вашемъ тѣлѣ въ одномъ разстояніи, мысль Катерины Ивановны въ другомъ, Николая Ивановича въ третьемъ и т. д. Сколько тѣлъ, столько и разстояній одного и того же предмета, т. е., мысли о бутылкѣ, отъ однихъ и тѣхъ же плоскостей. Такъ ли Петръ Фомичъ? Какъ возможно, чтобы отъ одного и того же предмета было множество различныхъ разстояній отъ трехъ пересѣкающихъ плоскостей?

Калгановъ. Да что вы? Вѣдь, мысли-то разныя.

Сократъ. Какъ разныя? мысль одна: *бутылка стоитъ на столѣ*. Повторите ее хоть тысячу разъ, мысль останется одна и та же?

Калгановъ. Да, вѣдь, одну и ту же мысль думаю я, Катерина Ивановна, вы, и т. д; а, вѣдь, это большая разница!

Сократъ. Такъ что же? Если я, вы, Катерина Ивановна и проч. суть пространственные вмѣстилища одной и той же мысли, то затрудненіе остается по прежнему, т. е., невозможно чтобы *одна и та же вещь* находилась, *въ одно и то же время во многихъ различныхъ мѣстахъ*. При этомъ, конечно, не должно разумѣть слово: одинъ и тотъ же, въ смыслѣ *одинаковою*. Дюжина и, сколько хотите, одинаковыхъ стакановъ, могутъ находиться въ разныхъ мѣстахъ, но одинъ и тотъ же только въ одномъ. Если мысль не материальна, то она, одна и также, можетъ принадлежать и быть мыслима въ одно и то же время, сколькими хотите, душами. Затрудненія никакого нѣтъ, ибо ни мысль, ни душа, не существуя въ пространствѣ, ни другъ отъ друга и ни отъ чего другаго не находятся въ разстояніи.

Калгановъ. Не знаю какъ, но чувствую, что вы меня здѣсь въ чемъ то запутали!...

Въ это время хозяйка пригласила всѣхъ присутствующихъ въ столовую закусить и опять посадила меня и Сократа рядомъ съ собою.

„Вы устали, Сократъ Ивановичъ“, говорила она, обращаясь къ нему, „отдохните и покушайте превосходной осетрины, которую я сама покупала. А вотъ“, продолжала она, указывая на графинчики, „стоить и любимый вами, мною самою настоенный ерофеичъ“.

„Съ удовольствиемъ воспользуюсь всѣмъ этимъ“, сказалъ Сократъ и весь погрузился въ потребленіе ерофеича и осетрины, какъ бы не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и шумный разговоръ, поднявшійся между присутствующими.

„Меня просто зависть береть“, говорилъ, покатываясь со смѣху, Калгановъ, „какъ ухаживаетъ за нимъ Катерина Ивановна! Да, господа, я вижу, что выгодно быть духомъ виѣ пространства и скоро самъ выпрыгну изъ него въ догонку за Сократомъ Ивановичемъ.“

Я. А, ну, какъ все таки изъ пространства не уйдете? Вотъ, спириты говорятъ, что духи существуютъ въ какомъ то 4-мъ измѣреніи пространства. Одинъ изъ нихъ, кажется, ученый физик Цельнеръ, въ такъ называемомъ *трансъ* возносился въ это 4-ое измѣреніе, подъ руководствомъ медіума Следа!

Красоткинъ. Нѣтъ, господа, шутки въ сторону, это, чортъ знаетъ, на что похоже! Что же послѣ этого точная естественная науки съ ихъ математическими вычисленими, съ ихъ непреложнымъ предвидѣніемъ явлений, какъ напр., въ астрономіи секунда въ секунду безошибочно предсказываются будущія небесныя событія? Какъ это было бы возможно, если бы дѣйствительно не существовало движенія? А возможно ли движеніе безъ пространства и времени?

Серебрякова. Да, ужь не подлежитъ ли у Сократа Ивановича и время, и движеніе одной участіи съ пространствомъ? Потомъ, если по его мнѣнію, тѣло и другія, занимающія пространство, вещи скрываютъ подъ собой духовныя субстанціи, то, значитъ, каждая пылинка есть какое либодъ духовное существо, можетъ быть, способное чувствовать, хотѣть, страдать и наслаждаться. Тогда, значитъ, ступить и двинуться нельзя безъ боязни нанести кому нибудь страданіе, болы!!

Карамазовъ. Да, вѣдь, и безъ Сократа Ивановича уже теперь ученые, хоть, напримѣръ, тотъ же Цельнеръ, какъ я гдѣ-то читалъ, думаетъ, что атомы чувствуютъ удовольствіе и недовольство. Вотъ, также знаменитый Геккель нашель, что клѣточки и какія то пластидулы или комочки органическаго вещества имѣютъ души. Мнѣ, признаюсь, какъ то по сердцу мысль, что мертвой, безжизненной, безчувственной и безсмысленной природы совсѣмъ нѣтъ, что и ничто живое, если только оно дѣйствительно причастно бытію, все таки родственно съ самымъ высочайшимъ, хотя и безконечно различится отъ него по степени. Хотя я еще не могу считать себя вполнѣ согласнымъ съ Сократомъ Ивановичемъ, но все таки сильно сочувствую его воззрѣніямъ!

Красоткинъ. Что Цельнеръ быль фантазеръ и, можетъ быть, чловѣкъ психически тронутый, доказываютъ скандальныя занятія его спиритизмомъ. Что же касается до Геккеля, то авторитетъ его въ ученомъ мірѣ понизился съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ фантазировать о клѣточныхъ душахъ. Я уже говорилъ о томъ, что гдѣ нѣтъ нервной системы, ясно и несомнѣнно выраженной, тамъ и рѣчи быть не можетъ о психическихъ состояніяхъ, а только о механическихъ рефлексахъ органической ткани.

Въ это время Катерина Ивановна обратилась къ Сократу съ словами: «слышите ли, Сократъ Ивановичъ, что они тамъ говорятъ?»

Сократъ. Слышу, Катерина Ивановна! Дѣло естественное, что люди промываютъ бока ближнему, если онъ замѣтно отступаетъ отъ обычного образа мыслей или дѣйствій! Не хорошо только то, что начинаютъ эту промывку гораздо раньше, чѣмъ онъ достаточно высказался въ словѣ или дѣлѣ. Совершенно справедливо замѣтила, кажется, Анна Михайловна, что, по моему, и время, и движение должны раздѣлить участь пространства. Значитъ, въ слѣдующій разъ мнѣ придется доказывать, если будетъ то угодно присутствующимъ, что какъ время, такъ и движение существуютъ только въ актѣ представленія и мышленія. Доказательство это будетъ для меня тѣмъ болѣе важно, что окончательно должно убѣдить всѣхъ въ полной самостоятельности духовныхъ субстанцій, ибо идеи времени, пространства и движенія, а съ ними и весь пространственно-временный міръ, отъ котораго мы, повидимому, зависимъ, суть продукты ихъ дѣятельности. Но какъ скоро намъ удастся разоблачить иллюзію этого міра, то можно будетъ сдѣлать шагъ отъ его весьма подробныхъ и точныхъ значковъ къ истинно существующему міру субстанцій и метафизическому истолкованію нашего виѣшняго опыта, или пространственно-временныхъ явлений: ибо образованіе нами нашего значковаго міра совершается не по случайному произволу, или капризу индивидуума, а по *всеобщимъ и неизыблемымъ* законамъ нашей представляющей дѣятельности, законамъ, коренящимся въ самой природѣ нашей субстанціи. По этому,

какъ весь нашъ опытъ, относящійся къ перемѣнамъ въ пространствѣ и времени, такъ и законы, логически выведенныи изъ него въ естествовѣдѣніи, нисколько не теряютъ своей силы и имѣютъ высокую цѣнность не только практическую въ предвидѣніи перемѣнъ, совершающихся въ пространствѣ, но и теоретическую для метафизики и правильного построенія ею дѣйствительного бытія. И такъ, та метафизика, на которую я едва только намекнулъ вамъ, нисколько не препятствуетъ естествовѣдѣнію дѣлать свое дѣло и если можетъ кому помѣшать, то только материалистической метафизикѣ, которая незаконно эксплоатируетъ естествовѣдѣніе въ свою пользу.

„Что касается до высказаннаго опасенія, что защищаемая мною теорія, расширяя кругъ существъ, имѣющихъ психическую жизнь и чувствующихъ страданіе и наслажденіе, какъ бы стѣсняетъ насъ въ нашихъ отношеніяхъ къ окружающему миру, налагая на насъ новыя безчисленныя обязанности, то это опасеніе основано на недоразумѣніи и на ложной сантиментальности. Кругъ нашихъ нравственныхъ обязанностей нисколько не увеличивается сравнительно съ тѣмъ и безъ того обширнымъ кругомъ, который мы признаемъ и теперь; и мнѣніе, что будто бы мы должны налагать на себя какія то особыя обязанности къ низшимъ существамъ, какъ то дѣлаютъ, напр., индузы, по вѣрѣ въ переселеніе душъ, основано на недоразумѣніи. Къ болѣе близкимъ намъ существамъ, каковы высшія животныя, мы и теперь сознаемъ нѣкоторыя обязанности, напр., не мучить, не истреблять ихъ жестоко и безмыслиенно и т. под.; но это нисколько не мѣшаетъ намъ употреблять ихъ въ пищу или пользоваться ими какъ либо и наконецъ просто истреблять ихъ, если они оказываются для насъ вредными, каковы хищные звѣри, ядовитыя змѣи, бѣшеныя собаки и т. п. При этомъ, конечно, не нужно забывать о томъ, что мы собственно не можемъ уничтожить субстанцій или измѣнить ихъ основную природу, на какой бы низкой ступени они ни стояли, по своему несовершенству. Вообще нравственные обязанности наши относительно всякихъ субстанцій имѣютъ свое основаніе въ нашихъ обязанностяхъ.

стахъ къ высочайшей субстанці, которая объединяетъ въ себѣ и собою все существующее въ гармонической и вѣчный міро - порядокъ. Но, впрочемъ, объ этомъ мы будемъ подробно говорить, когда достигнемъ этическаго учения съ точки зрѣнія панпсихизма.

„Что касается до расширенія современными учеными естествовѣдами круга существъ, живущихъ психически, то я вполнѣ сочувствуя этому направлению и съ удовольствиемъ повторилъ бы доброе слово, сказанное, по этому поводу, сей часъ Алексѣемъ Федоровичемъ. По этому я не могу согласиться съ оценкой Николая Ивановича, которую онъ дѣлаетъ Цельнеру и Геккелю, честнымъ и талантливымъ, по моему, ученымъ, несмотря на излишнее, къ сожалѣнію, увлечение перваго спиритистическими опытами и на теорію клѣточныхъ душъ второго.

„Но особенно я не согласенъ съnimъ въ мнѣніи, что у существъ безъ ясно и несомнѣнно выраженной нервной системы не можетъ быть психической жизни. Этому, по моему, совершенно противорѣчать изслѣдованія ученыхъ специалистовъ надъ низшими животными, начавшіяся съ Эренберга и продолжающіяся все въ болѣе широкихъ размѣрахъ до самаго послѣдняго времени. Такіе ученые какъ Клапаредъ, Лахманъ, Пуше, Балбани, Энгельманъ и многіе другіе свидѣтельствуютъ, что, по ихъ наблюденіямъ, микроскопической одноклѣточныя животныя: инфузоріи, корненожки, грапарини и т. под., имѣютъ несомнѣнная психическая отправленія, напр., волю, память, соображеніе, цѣлесообразное дѣйствіе, хотя о ясно и несомнѣнно выраженной у нихъ нервной системѣ едва ли можетъ быть рѣчъ. Указываю на этотъ фактъ въ подтвержденіе положенія, которое я доказывалъ сегодня другимъ путемъ, что психическая функция не зависятъ отъ существованія нервной системы и не могутъ быть объяснены изъ нея.

Послѣ этихъ словъ Сократа дамы подняли вопросъ о своемъ желаніи присутствовать везде, где собираются мужчины, не исключая даже Малоярославца и Палкина. Было решено, чтобы мы извѣщали ихъ о всякомъ сборищѣ, где предполагается какая либо

бесѣда. Вслѣдствіе этого рѣшенія мы съ Сократомъ должны были заявить о своемъ намѣреніи разсмотрѣть вопросъ о понятіи бытія у Канта. Разсмотрѣніе этого вопроса назначено было въ слѣдующее воскресеніе у Сократа, при чмъ дамы пожелали даже принять участіе въ „отечественномъ симпозионѣ“.

Давно уже былъ день и взошло солнце, когда мы распостились и разошлись¹⁾.

Платонъ Калужскій.

¹⁾ Авторъ этой статьи обѣщалъ привести въ порядокъ, къ слѣдующей книжкѣ нашего сборника, еще пѣсколько записанныхъ имъ бесѣдъ.

Примечание редактора